

ПЛАНИДА КАЛОШИНА

Анатолий
Цирульников

Собирать книги он начал ещё летчиком в Аэрофлоте — летал всюду, денег было много, покупал. Друзья пользовались. И вечно на обрывках оставляли расписки. Вдруг пришла в голову мысль — надо оформить, чтобы была библиотека. Раз пришла мысль, два... А если, — говорит он мне, — мысль приходит к вам не однажды, к ней надо прислушаться... В рериховских местах. В Уймонской долине.

Да, он тогда ещё летал. Был туман, Новосибирск закрыли. Сели в Барнауле. И он решился: пошёл в отдел кадров и спросил: вам не нужен в какой-нибудь маленький аэропорт в горах — сторож? На него посмотрели с недоумением — красивый мужчина, штурман, двадцать лет стажа, и говорят: сторожей хватает, а вот нужен диспетчер в Усть-Коксу.

Он уволился из Аэрофлота, ушёл на пенсию, и три года, пока аэропорт в Коксе не закрыли, работал диспетчером. Построил дом, зарегистрировал: «Народная библиотека Уймонской долины им. Е.И. Рерих».

После этого, говорит, ему сразу стало легче. Как после реинкарнации.

Тысячный читатель

Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли; нам всё равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит сию минуту. Ты представляешь, сколько жизней мы должны прожить, прежде чем у нас появится смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в стае...

Ричард Бах. Чайка по имени Джонатан Ливингстон

Дом с застеклённой террасой — на окраине села, рядом лес и горы. Я был осенью, в золотую пору, прихватил немного дождя, а как тут зимой — могу лишь себе представить: по заметенным дорожкам, тропинкам идут читатели. В доме топится печка, тепло. Интерьер не деревенский: картины, скульптуры. Во всех комнатах книги. Сам библиотекарь спит на крылечке, у него там закуток два на четыре.

Став юридическим лицом, Леонид Калошин съездил в Москву, добрался до директора «Ленинки» и представился: я такой-то, из алтайских лесов, не поможете? Его завели в катакомбы с бесконечными стеллажами, сказали: бери, сколько унесёшь. И он сидел днями и ночами, руки все чёрные, и выбирал — дореволюционные фолианты, «Война и мир» издательства Сытина, Брокгауз и Эфрон...

Второй была сельскохозяйственная библиотека, куда Калошин набегал даже дважды, и теперь местный агроном набирает у него целую коробку книг: животноводство, семеноводство, почвоведение...

Собрал двадцать пять тысяч томов.

В народной библиотеке Уймонской долины, когда я туда пришёл, дети за столом играли у горшка с цветами. «Этот тюльпан, — говорил им Калошин, — можете домой взять и посадить». — «А как за ним ухаживать?» — «Я тоже не знаю, — признавался Калошин, — вот весной посажу и посмотрю».

Приходили из ближних деревень и из дальних, везде у Калошина обнаруживались читатели. Тысячным читателем оказалась учительница, и Калошин подарил ей антологию гуманной педагогики Амонашвили...

В основном в библиотеку записываются дети, но берут книги и для родителей. А некоторые сами приходят — с такими испитыми физиономиями. Калошин сначала давал им книги с опаской, но они аккуратно возвращают. Приезжают на конях, телегах, берут книг помногу... И учителя тоже много заказывают, коробками книги уносят, и вот таким образом, замечает Калошин, педагогический процесс улучшается.

Число читателей сильно выросло, когда он завёз учебники. Из московского северо-западного округа привёз в Коксу два пятитонных контейнера — одиннадцать с половиной тысяч учебников. Из библиотеки Ушинского — тысячи списанных книг. Учителя говорят, что у Калошина теперь лучшая педагогическая библиотека в Горном Алтае.

Книги, которых больше пяти экземпляров, Калошин другим библиотекам раздаёт. Будь у него автобус, мог бы все деревни объезжать и выдавать книги. А пока к нему приезжают библиотекари и набирают две кипы, одну для взрослых, другую для детей.

«Ты из Башталы?» — «Ага. У вас есть физика для седьмого класса?» — «Только что последнюю отдал. Где ты была раньше?» — «А биология?» — «Биология есть. Тебе серую?» — «Нет, жёлтую». — «Жёлтую разобрали. Поздно ты, подружка, прибежала».

В первых числах сентября тут у него не продохнуть. Родители бедные, многие не получают зарплаты, не могут ребёнку купить учебник. И вот Калошин ездит и достаёт на весь район. У самого дров нет, а зима на носу.

Куплю всё

Смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим... Мы выбираем следующий мир в согласии с тем, чему мы научились в этом. Если мы не научились ничему, следующий мир окажется таким же, как этот, и нам придётся снова преодолевать те же преграды с теми же свинцовыми гирями на лапах.

*Ричард Бах. Чайка по имени
Джонатан Ливингстон*

Отношения между Калошиным и детьми похожи на те, которые описал другой лётчик, сделавший вынужденную посадку в пустыне Сахара. Он, как вы знаете, встретил там мальчика, угадавшего, что на рисунке не шляпа, а проглоченный удавом слон.

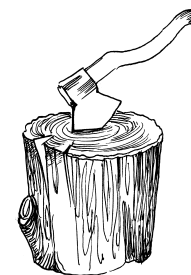
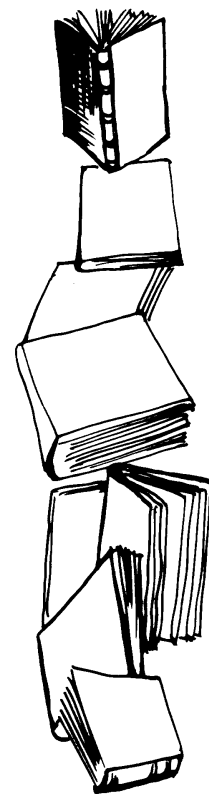
Дверь библиотеки открывается, мальчик спрашивает: «Рисунки принимаете?»

Когда у Калошина идёт конкурс рисунков, здесь всё облеплено картинками. Жираф на двери — «Задумчивый житель саванны». Рисуют на обоях, на склеенных листах заявок на гранты, на обороте стенного календаря. «Задумчивый житель саванны», «Кот-аристократ» или вот произведение, называется: «Чтобы мир был полон людей. Никто ни на кого не обижался». Подписано: К.Н., то есть Казанцева Надя из шестого класса. «Она, — говорит Калошин, — уже как маститый художник подписывается — К.Н. А ещё есть М.О.»

Раз две девочки копировали профиль, и у одной Пушкин очень хорошо получился, а у другой непохоже. Калошин хотел сказать, смотрит, а она подписывает: «Брат Пушкина». Единственный, наверное, в мире такой рисунок.

Без призов никто не остаётся.

Дети — замечательные художники. И вообще — замечательные, если с ними заниматься. Один его знакомый ездит за семь километров на велосипеде

в другую деревню, там с детьми рисованием занимается, и эти дети все первые премии у Калошина получают.

В очередной свой набег на Москву зашёл народный библиотекарь в Академию художеств — попросить книг. Вдруг видит, а навстречу идёт сам Церетели со свитой. Калошин к нему, как ко всем: не поможете? Церетели говорит: ну, иди к кабинету. Бросил царственный взгляд на детские рисунки, взял координаты, сказал, вот будет фонд... Но так и не помог. Ну, может, забыл, много нас таких, сказал Калошин и усмехнулся. Отвлекусь, говорит, от темы.

В подземном переходе, знаете, стоят люди, держат в руках объявления — «куплю золото», «куплю меха». А один хлыст у Киевского вокзала стоит с объявлением: «КУПЛЮ ВСЁ». Я, говорит Калошин, шёл и очень долго смеялся...

Как-то он приехал к Амонашвили на семинар, но опоздал, смотрел в зал через занавески. Полный зал молодых людей, и настолько, говорит, было приятно на них смотреть. Обычно — маска на лице учителя, а тут полный зал молодых светлых лиц. Радостно видеть, что не заглохло, несмотря ни на что... Я, говорит Калошин, был лётчиком, теперь библиотекарь, в педагогике ничего не понимаю — и то у меня столько задумок. Будь я министром или царём, всё бы провёл через детей, начиная с садика. Что творится в стране — тысячи беспризорных. А умницы? Их тормозит общий уровень, а у умника информация идёт из космоса. Учёным бы всё это обдумать, говорит Калошин свои наивные вещи. С чего начинается страна? С учителя, библиотекаря — эти сословия надо поднимать.

Читатели подрастают и среди них встречаются такие смыслёные. Один говорит: я эту библиотеку всю перечитал и вашу перечитаю. Дядя Лёня, у вас лучшая библиотека... Такой парнишка никогда не свихнётся. Книгу когда выбирает — такой у него взгляд серьёзный. Я, говорит Калошин, таким в детстве не был. А этот мальчик будет необычный. Их пятеро ребят ходят и бабушка. И какие-то все дети хорошие. Бывают такие семьи. Как подарок.

Самый драгоценный подарок достался Калошину вот какой: ходила к нему читательница-четвероклассница, кра-

сивая — сказка. Однажды пришла, топчется у стеллажей то там, то тут, не может выбрать. Ну, он подобрал ей хорошую книгу. Девчушка ушла, задумавшись.

А я, говорит Калошин, провожал её взглядом, вот отсюда, где вы сидите, смотрю, она вышла из калитки, раскрыла книгу и поцеловала. Представляете?

И пошла по засне-

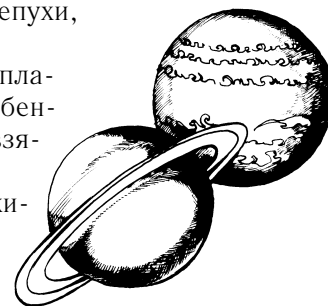

женной тропинке, читая. Вы, может быть, понимаете моё состояние... А её отец против того, чтобы она сюда ходила. Библиотека Уймонской долины, Рериха, а к рериховцам отношение разное. Слухи распространяют, залепухи, чем нелепее, тем, думают, больше поверят.

Раз приехала проверять одна из администрации, в чёрном кожаном плаще, пенсне — вылитый Берия. Ходила-ходила, изучала. Ну и что тут особенного, говорит, библиотека как библиотека. И тут же сама записалась и взяла книгу, «Предсказания Нострадамуса». В другой раз к Калошину нагрянули пожарники и закрыли из-за того, что нет схемы маршрута покидания помещения. А какой маршрут, если у него одна дверь?

Ну, ничего, потом снова открыли, и в библиотеку ещё четыреста человек записалось. Так вот, насчёт благодарности, ту девчущку, что книжку поцеловала, отец бьёт за то, что здесь бывает, и она ходит теперь редко, украдкой. Ещё красивей стала. Эта девчущка, говорит Калошин, такая для меня награда. А у неё подружки, одна печенье ему принесёт, другая — солёный огурец: «Дядя Лёня, покушайте...»

Вид Сатурна из Уймонской долины

Он говорил об очень простых вещах: о том, что чайка имеет право летать, что она свободна по самой своей природе и ничто не должно стеснять её свободу — никакие обычаи, предрассудки и запреты. Существует только один истинный закон — тот, который помогает стать свободным, — сказал Джонатан. — Другого нет.

Ричард Бах. Чайка по имени Джонатан Ливингстон

Пропáсть, словом, ему не дадут. Автономная электростанция на два киловатта — от Джорджа Сороса. Грузовик — подарил один филантроп из Новосибирска. Эти вот стол, полки, лавки — тоже всё люди сделали. Картошку помогли выкопать и в подвал опустить, Калошин же здесь, как все, на натуральном хозяйстве.

Так что библиотека во всех смыслах народная. Кто чем мог, тот и помог. И вы, может быть, поможете, говорит мне Калошин, и ваши знакомые. Всё, что залежалось, старые книги, учебники, тетради. Что в городе не нужно, там другие программы. А тут всё пойдёт. Всё равно это какими-то учителями было придумано, лучше, чем ничего. Попробуйте использовать свои знакомства с издательствами, а я, говорит Калошин, раз в год езжу в Москву, приеду с контейнером. Детишки уже ждут, вы ведь слышали?

Он здесь один, а на нём и библиотека, и огород, и дом надо достраивать. Самому читать книги некогда. Ложится в час, встаёт в полседьмого. А помощников нет. Временные попутчики. Приезжают перебиться, перезимовать, а чтобы всего себя отдать библиотеке — такого нет. Но он ждёт, может быть, Бог пошлёт.

Я спросил: вы живёте тут восемь лет. Что происходит с деревней? Как везде, сказал Калошин, с одной стороны, наверное, вымирает. Даже удивительно, что где-то что-то посеяли, жнут. «А с другой стороны?» — «А с другой стороны, — говорит он и смотрит на меня большими, спокойными, ясными глазами, — очень много детей».

Как это, не понимаю я, много детей. Откуда? Все же говорят, что детей как раз мало. «Нет, — повторяет Калошин, — много детей в Усть-Коксе, одна ребятня».

Пока мы стонали, охали, они народились?

Каждый человек появляется на свет под своей планетой. На неё можно посмотреть в телескоп — Калошин купил его, когда ещё летал, за триста рублей, и теперь ребятишки смотрят.

Бывает страшная толкотня, приходят смотреть сюда спутники Юпитера и Сатурна — целыми улицами. Даже маленькие дети, иного на руках держать приходится, чтобы в окуляр взглянул. Первый возглас, когда видят — это на всю жизнь. Вид Сатурна. Или Луна на весь экран, со всеми кратерами и тропинками.

Я спросил Калошина: а вы когда лётчиком были, предполагали, что будет эта библиотека? Он засмеялся: «Даже в кошмарном сне не могло присниться». «А не хотите опять летать?» Он сказал: «Есть выражение такое смешное — так хочется, аж морда болит... Страшно охота летать».

Судьба, планида Леонида Калошина чем-то напомнила мне Ричарда Баха — лётчика-писателя, тосковавшего по этажерке времён Первой мировой, с открытой кабиной, где шумит ветер и ты отделён от земли одним-единственным ремнём безопасности... Я давно хотел прочесть «Чайку по имени Джонатан Ливингстон», в библиотеке Калошина нашлась. «Почитайте. Всё определяется сердцем. Чайка — это вы...»

Глаза у него немного ироничные, но больше в них грусти и света. Елену Ивановну Рерих, чьим именем названа библиотека, считает величайшей женщиной, в одном ряду с Богородицей. В рериховское учение, в душу к Калошину, я лезть не стал.

Это может случиться с человеком и в одной-единственной его жизни — перевоплощение. Не только внешнее: место жительства, семейное положение, профессия. А внутреннее: был таким, а прошёл через муку, страдание, покаяние и стал — другим. Вдруг понял, зачем люди появляются на свет. Ради чего всё это мироздание. В чём смысл всего.

Пойдёмте на улицу, сказал Калошин, покажу, как луна всходит.

Луна была необыкновенная, красная — в селе жгли ботву. Возвращаться мне надо было на турбазу через реку, по подвесному мосту, а там в темноте по лесу. Калошин предложил подбросить меня на своём грузовике в объезд. Только, сказал, там переправа, шлагбаум, надо заплатить десять рублей, у меня денег нет.

Мы остановились у переезда, я сунул в окошко десятку, прыгнул в машину и спросил Калошина — надо же ещё на обратный путь? «Платят только в одну сторону», — сказал он.

Когда доехали до моего ночлега, луна стояла уже белая. **НО**

Е.И. Рерих

